

TIME to FEAT

№40 / Август 2017

Распространяется бесплатно

Муслим
МАГОМАЕВ

Тамара Синявская

УМЕНИЕ ВИДЕТЬ

17 августа исполняется 75 лет со дня рождения народного артиста СССР Муслима Магомаева. В канун этого юбилея мы встретились с его женой, оперной певицей, народной артисткой СССР Тамарой Синявской и поговорили о молодых певцах, творческой конкуренции, соцсетях и счастливой жизни.

ИНТЕРВЬЮ: ПИЛЯГИН. ФОТО: АРХИВ ТАМАРЫ СИНЯВСКОЙ

Тамара Ильинична, в следующем году состоится Пятый Международный конкурс вокалистов имени Муслима Магомаева. По опыту прошлых лет, как вы оцениваете общий уровень его участников?

Все конкурсанты имеют довольно высокий уровень, который, конечно, обусловлен масштабом личности человека, именем которого назван этот конкурс. Для того чтобы поддерживать эту планку, мы поставили условное ограничение: певцы должны быть не моложе 20 лет. К этому возрасту человек уже сформирован, он знает, что вокал — это его профессия, он имеет опыт выступлений перед большой аудиторией. Некоторые из конкурсантов к своим годам сумели даже на мировой арене добиться больших результатов. Есть и верхний предел — 35 лет. На мой взгляд, то, что человек демонстрирует в этом возрасте, является квинтэссенцией его возможностей. Оценка конкурсантов — всегда очень большая, кропотливая работа и огромная ответственность. С одной стороны, я сразу вижу все профессиональные недостатки человека. А с другой — всё-таки в конкурсе порой участвуют достаточно молодые ребята, поэтому нужно уметь смотреть на перспективу.

Можно ли участников этого конкурса назвать творческими наследниками Муслима Магомаева?

Мы все в какой-то степени его творческие наследники, поскольку постоянно соприкасаемся с его талантом, с его музыкой, с его голосом, с его манерой исполнения. Но, конечно же, те люди, которые участвуют в конкурсе, погружаются в них больше остальных.

Вы познакомились с Муслимом в начале 1970-х, и на тот момент и вы, и он уже были самостоятельными большими величинами. Как вам удалось поладить друг с другом?

«Он сам для себя был критиком номер один».

Я его очень давно заметила — ещё будучи студенткой музыкального училища. В 19 лет он приехал в Москву и спел так, что все только о нём и говорили, а потом тут же дал сольный концерт в зале имени Чайковского. Был такой ажиотаж, что произошёл исключительный случай — в день концерта впервые в Москве, возле концертного зала, была выставлена конная милиция! Если мы спорили, то это были профессиональные темы. Должна сказать, что я с самого начала относилась к Муслиму с большим пиететом. Понимала, кто он. И мне даже в голову не приходило, например, не тем тоном позвать его к телефону. Утром он вставал раньше меня (он — жаворонок, а я — сова), сидел

с чашкой кофе, и такого не было никогда, чтобы я молча прошла мимо и не поцеловала его. Всегда с вечера сервировала для него стол, ставила сахарницу, чашечки для кофе. Но однажды я этого не сделала. Он пришёл утром на кухню, а там ничего нет. Когда я проснулась, он, уже выпив кофе, спросил: «Ты, видимо, плохо себя чувствовала? Чашечек на месте не было». Конечно же, он угадал. С тех пор я старалась не допускать такого. Не для того, чтобы ему понравиться, а чтобы у него душа спокойная была.

Вы терпеливый человек?

Да, особенно если мы говорим о работе. Например, я могу своим студен-

там тысячу раз что-то повторить — если уверена, что это того стоит. А вот у Муслима, конечно, такого терпения не было. Когда я стала преподавать, студенты иногда приходили заниматься к нам домой. Поёт человек — не получается. Повторяет — опять не так. Ещё раз — снова не так. И тут выходит Муслим и говорит: «Тяпа, ну у тебя и терпение! Я бы убил!» В шутку, конечно! (Смеется.)

А когда он вас впервые назвал таким именем — Тяпа?

Сразу. И я тоже ему придумывала разные имена. У нас таких имён было очень много, мы даже целые шуточные списочки составляли.

В

Какое было самым любимым?

Не скажу. Но если мы называли друг друга Муслим и Тамара, это означало, что сейчас будет буря, как будто бы произошло что-то страшное. Но всё заканчивалось быстро, и снова звучали слова из нашего списочка.

Ваши родные и близкие не отговаривали вас тогда от этого замужества? Ведь весь Советский Союз был влюблён в Магомаева, и было понятно, что такой семье будет непросто.

К сожалению, на тот момент уже не было моей мамы. Я была одна. Мои театральные подружки тоже все являлись его поклонницами. Многие баритоны, которые пели в Большом театре, признавались мне, что стали петь благодаря Муслиму, потому что им легко на душу, как он пел и классику, и эстраду. Поэтому кто же мог меня отговаривать?

То есть получается, что все тихо завидовали...

А вы как думаете? *(Смеётся)* Но я только сейчас это поняла.

Вы действительно никогда об этом не думали?

Никогда! Верьте мне, я человек искренний.

Но это же было на поверхности. Человек, которого боготворит почти весь Советский Союз, выбрал именно вас...

Вы понимаете, если бы я была его поклонницей... К моменту нашей встречи *(извините за нескромность)* я была уже состоявшейся певицей, солисткой Большого театра и т. д.

Создание семьи не стало помехой для продолжения вашей карьеры?

Смотря что подразумевать под карьерой. Мы поженились в 1974 году, и к этому времени я уже 10 лет проработала в Большом театре. Причём это не было ни пиком моей карьеры, ни её началом. Это был путь, отведённый именно для меня, потому что я вступила на благословенную сцену в очень молодом возрасте и оказалась в настоящем оперном раю — сейчас я могу уже с уверенностью об этом сказать. Я просто молилась на тех, с кем мне доводилось вместе работать. Почти всю жизнь готовила оперные партии с гениальным оперным режиссёром Б. А. Покровским, с великими дирижёрами Е. Ф. Светлановым, Г. Н. Рождественским, М. Л. Ростроповичем. Пела с Лемешевым, Архиповой, Вишневецкой, Огнивцевым, Анджапаридзе, Образцовой, Атлантовым. Я наслаждалась этим и получала огромное удовольствие от своей жизни! Каждое утро бегом бежала в театр на утреннюю репетицию. И так продолжалось 40 лет! Вот что значит заниматься любимым делом!

Были такие моменты, когда хотелось всё бросить?

Да расстреляйте меня, если бы я такие вещи сказала! Вы когда-нибудь пели?

Нет...

Понимаете, из любой другой профессии в певцы уйти можно. А из певцов никто и никогда не уходил, по крайней мере на моей памяти. Вот, например, Ирина Константиновна Архипова — архитектор по образованию, окончила архитектурный институт, даже построила что-то в Москве. Кто её помнит как архитектора? Её знают только как гениальную певицу. Или Евгений Нестеренко, народный артист Советского Союза, замечательный бас — тоже архитектор по образованию. Сейчас он живёт в Австрии, преподаёт в консерватории. Мы вместе участвовали в конкурсе Чайковского, оба боролись за первые места, оба их получили. *(Смеётся)* Никто из певцов не уходит!

У вас в семье присутствовала творческая конкуренция?

Что вы! Я всегда понимала, кто передо мной. Да у меня и вне семьи ни с кем не было конкуренции. Просто с любовью занималась своей профессией. А может, потому что оба были самодостаточны.

А кем для вас в первую очередь был Муслим Магомаев: великим певцом или любимым человеком?

С великим певцом как жить-то? Я жила

«Если мы называли друг друга Муслим и Тамара, это означало, что будет буря».

«Я говорю о “Фейсбуке”, в который недавно заглянула. Была поражена — люди не стесняясь фиксируют каждый свой шаг и выставляют это на всеобщее обозрение!»

с Человеком — очень умным, интеллигентным, красивым, образованным, деликатным, даже застенчивым. И бесконечно талантливым!

На публике Ваш муж был безупречен и элегантен. А в домашней обстановке?

Ну, в смокинге он дома не ходил, однозначно, но никогда не позволял себе выйти к утреннему кофе в халате и непричесанным. Да и я тоже никогда не носила халаты: у меня были домашние утренние костюмчики. Приведёшь себя в порядок — и только тогда выходишь. Это не напрягало, это было в удовольствие.

Должна сказать, что я его очень уважала. Когда мы только начали встречаться, то долго не могла с ним перейти на «ты» — полгода мы были на «вы». Мне это очень нравилось, и оказалось, что ему тоже. У нас было много общего: взгляды, вкусы, любовь к музыке, к искусству.

Тамара Ильинична, а как вы относитесь к интернету, к социальным сетям?

О, это долгая история — поначалу я его испугалась (с техникой не дружу — не дано), но потом нашла положительные моменты, и прежде всего это огромное информационное поле. Постепенно овладеваю, но стараюсь не погружаться глубоко: страдает зрение, осанка и т. д. Да и, честно говоря, очень много «мусора». Я говорю о «Фейсбуке», в который недавно заглянула. Была поражена — люди не стесняясь фиксируют каждый свой шаг и выставляют это на всеобщее обозрение! Видимо, это реализация нереализованных внутренних амбиций. А впрочем, не мне об этом судить. Хорошо, что интернет есть в нашей жизни! (Улыбается)

А как вы думаете, Муслим смог бы адаптироваться ко всему этому?

А он и адаптировался, причём раньше других своих сверстников. Муслим обладал ещё и техническим талантом. Одним из первых организовал свой сайт, выставлял там музыкальные фильмы, устраивал обсуждения. Это помогло ему общаться с людьми, не выходя из дома, когда он уже плохо себя чувствовал. В этом случае, на мой взгляд, это оправданно.

В соцсетях любой человек может спокойно критиковать или хвалить кого хочет. Муслим стал бы отвечать на поддельные реплики?

Нет. У него был свой круг людей, с которыми он вёл переписку. К тому же он всегда так интеллигентно всем отвечал, что ни у кого

рука не поднималась писать ему гадости. Он не провоцировал на хамство.

А как он в целом относился к критике?

Я не помню, чтобы кто-нибудь его сильно критиковал. Он сам для себя был критиком номер один. Так и пел об этом: «В целом мире я один, я самим собой судим». Вы, наверное, слышали это? Он всё про себя знал. И потом не забывайте, что Муслим был не только певцом, но прежде всего Музыкантом, который слышал всё, так сказать, в оркестровом изложении. У него был очень хороший вкус. Если песня ему не нравилась, он её не пел, и диктовать условия было бесполезно. Как-то на одном из правительственных концертов его попросили спеть что-то про партию. Он ответил: «Извините, я не смогу. У меня там верхняя нота не строится, как мне хотелось бы. Найдите певца, у которого всё хорошо с этой нотой». Вот и всё. И попробуйте тут придерисы!

Критиковал ли когда-нибудь Муслим своих коллег дома?

Никогда. Мы с коллегами в театре, естественно, всегда друг друга обсуждали (так устроен театр), но с ним нет — ему это было не интересно. От него всё это отлетало. Он считал, что надо просто выходить на сцену и петь. Петь с полной отдачей.

А как он строил свои отношения с поклонниками?

Он был домоседом, какие поклонники! Он от них бежал не знаю как. Если его встречали возле подъезда, он быстрее нырлял внутрь, и всё. Честно говоря, его это внимание очень напрягало. Но должна сказать, что до сих пор ко мне приходят его поклонницы и приносят цветы на день рождения, на Восьмое марта. Это приятно. Я уже не говорю о том, что у памятника они бывают всегда.

У того, который стоит в центре Москвы?

Да, на углу между нашим домом и посольством Азербайджана.

А почему было выбрано это место?

Я не помню. Знаете, это прошло практически без меня. Я вообще не знаю, как я прожила первые годы без Муслима. У меня такое ощущение, что я была в морозилке, и только сейчас как будто стала понемногу оттаивать. Так что и не знаю, кто на самом деле принял такое решение.

Вообще для меня это всё мучительно до сих пор. Фотографии не смотрю, не могу разбирать архивы, потому что иначе на меня опять нахлынет... И при этом каждое утро из окна я вижу памятник. Это тяжело. Очень.

Что вы делаете для того, чтобы стало легче?

Преподаю в театральном институте, в ГИТИСе — заведу вокальной кафедрой. Занимаюсь продолжением своей профессии. Еле сдерживаюсь, чтобы не запеть вместе со студентами.

Кстати, почему у Муслима не было учеников?

Он пытался преподавать, я помню. Как-то в Баку на спор подготовил своего друга к государственным экзаменам в консерватории. Тот пел, в общем-то, неплохо, но иногда фальшиво, то есть не попадал в конкретную ноту. И Муслим его просто «натаскал». Тот сдал на пять, и муж гордился тем, что смог и в этом добиться прекрасного результата. Но конечно, ему не хватало терпения для этой работы.

Вы много лет проработали в Большом театре. А что вы думаете о его нынешнем состоянии?

Ставить диагноз театру, в котором уже давно не работаешь, не совсем корректно. Это живой организм, он меняется ежедневно. Для того чтобы театр оценивать, надо там находиться или хотя бы посещать его. К великому сожалению, я сейчас хожу туда чрезвычайно редко — в основном из-за не совсем хорошего самочувствия и, если честно, его нынешнего репертуара.

Это правда, что вы были депутатом Верховного Совета СССР?

Был такой грех. (Смеется.) Я довольно молодая ещё была, просто приняла эстафету от других очень известных артистов Большого театра. Это была традиция. Пять лет театр выдвигал депутата от балета, пять лет — от оперы. Депутатом была Галина Уланова, потом Ирина Архипова, Наташа Бессмертнова, и наконец очередь дошла до меня. Причём все они были членами партии, а я — беспартийной, но это никого не смутило.

Вы объехали практически весь мир. Есть ли места, где вам хотелось бы остаться навсегда?

Нет. Я коренная москвичка. Где можно жить, кроме Москвы? Я задавала себе этот вопрос много раз. Отвечаю: нигде. Но это моё субъективное мнение.

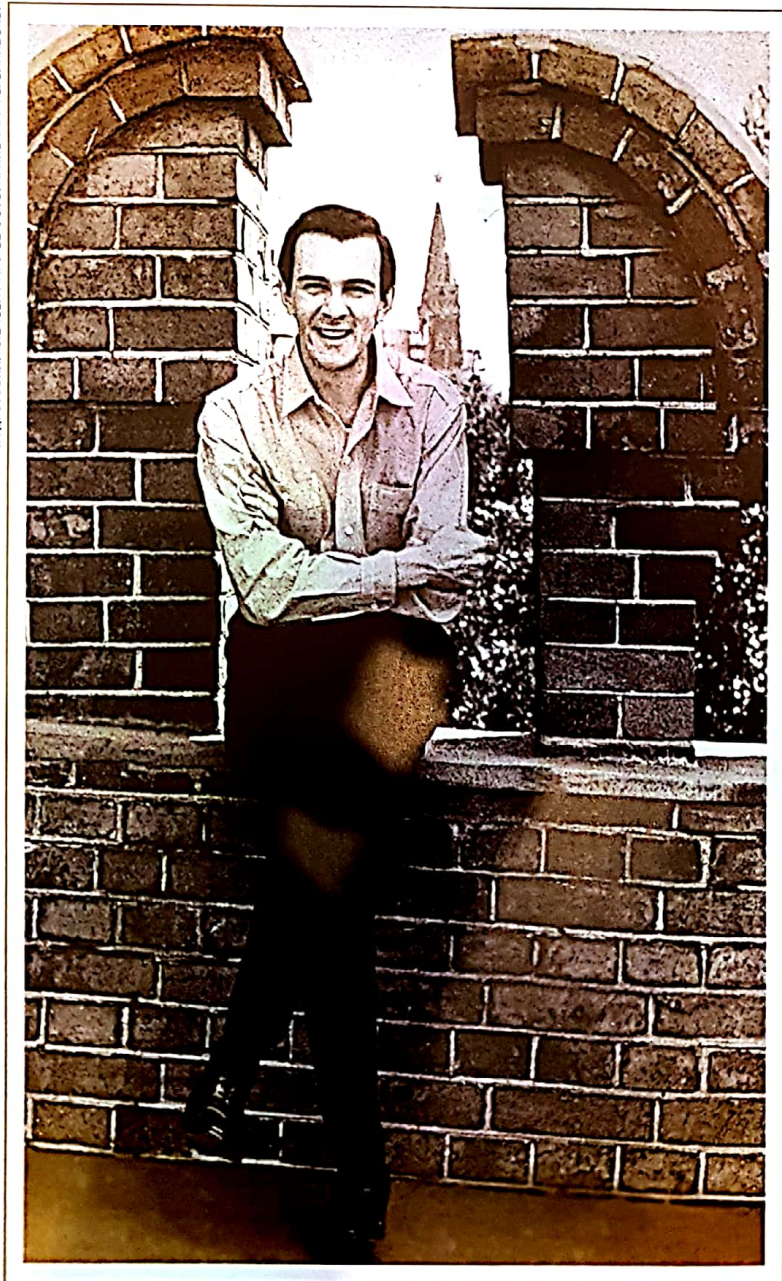
Последний вопрос — как выглядит идеальный день Тамары Синявской?

Никогда об этом не думала... Наверное, это проснуться здоровой, улыбнуться, потянуться и понять, что рядом есть кто-то. А кто, вы догадываетесь... ■

УРОКИ

Муслима Магомаева

ПОДГОТОВИЛ: АЛЕКСЕЙ МАЖАЕВ ФОТО: АРХИВ ТАМАРЫ СИНЯВСКОЙ

«Заслуженный артист Азербайджанской ССР Муслим Магомаев — один из самых популярных певцов советской эстрады. Артист пленяет слушателей своим красивым голосом, музыкальностью, темпераментом, великолепной сценической внешностью, способствующими той славе, которая вот уже несколько лет неизменно сопутствует певцу, где бы он ни выступал».

Иллюстрация к гибкой грампластинке фирмы «Мелодия», 1970

.....

17 августа 2017 года Муслиму Магомаеву исполнилось бы 75 лет. К сожалению, уже восемь лет великого певца нет с нами, но память о нём жива. В честь Магомаева назван концертный зал Stocus City Hall, проводятся международные конкурсы вокалистов его имени. В 60-е и 70-е он был, возможно, самым популярным певцом страны и легко совмещал оперную карьеру с исполнением эстрадных шлягеров: «Королева красоты», «Свадьба», «Лучший город Земли» и многих других. В 21 год он дал первый сольный концерт в Зале Чайковского, а в 31 получил звание народного артиста СССР. Магомаев гастролировал по всему миру, его пластинки расходились миллионными тиражами. Концертный репертуар артиста включал более 600 произведений — песни, романсы, оперные арии. В 1998 году он принял решение уйти со сцены и отказался от концертов, не став даже проводить прощальных туров. Впрочем, пусть лучше о Магомаеве расскажет... он сам — старые интервью доказывают, каким он был интересным собеседником и как любил профессию, в которой достиг совершенства.

О ДЕТСТВЕ

Худитаном, конечно, я не был, но и прилежным поведением в школе не отличался. Делал всё, что полагается мальчишке: и дрался, и плёнку жёг на уроках, и дневники выбрасывал, и девчонок за косички дергал.

«7 дней», 1997

О НАЧАЛЕ КАРЬЕРЫ

В 1962 году я приехал в Москву на Декаду азербайджанской культуры. Концерт проходил во Дворце съездов и транслировался по телевидению.

На следующее утро я проснулся известным.

Посыпались предложения. Мой первый сольный концерт состоялся в Зале Чайковского. Сразу Москва. Интересно, правда? Нет чтобы где-нибудь у себя в Баку попробовать. Я честно признался, что никогда ещё сольных концертов не давал. Боялся ужасно. Но Бог помог — пронесло.

«МК-бульвар», 1998

О ВЫБОРЕ МЕЖДУ ОПЕРОЙ И ЭСТРАДОЙ

Этот выбор за меня сделали слушатели. Им нравились эстрадные песни. Когда я предлагал спеть что-нибудь классическое, мне говорили: «Да не надо, давайте что-нибудь попроще — «Королеву красоты», «Свадьбу»... Хотя я всё же пытался приобщить публику к классике и всегда пел её на своих концертах в первом отделении.

«МК-бульвар», 1998

О БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

Меня приглашали туда, когда мне был всего 21 год. Я даже не пошёл прослушиваться. Я был не уверен в Большом театре. Представьте: молодой приезжий из Баку — меня бы там просто затюкали. Приставали бы с советами, заставляли бы петь то, что я не хочу. Например, советские оперы — терпеть их не могу. А я человек свободолюбивый.

«МК-бульвар», 1998

ОБ ИЗДЕРЖКАХ ПОПУЛЯРНОСТИ

Имелись, конечно, неприятные стороны — когда пуговицы отрывали, срывали одежду. Однажды в Ленинграде на «Севильском цирюльнике» туфли свистнули из гримёрной, а потом, как мне рассказывали, по кусочкам чуть ли не продавали зрителям... Но это издержки. Я всегда считал, что лжёт тот человек, который говорит, что слава тяжела, что ему не нравится, когда его любят.

«7 дней», 1997

О РЕЛИГИИ

Дело в том, что я не ортодокс. Верю в Бога единого и уважаю любую религию, за исключением сектанства. В своё время мы были дружны с патриархом Пименом. Я получил его благословение. Почти наизусть знаю Евангелие. А вера моя мусульманская. И имя Муслим, что означает «мусульманин». Но я не ставил и не ставлю свою религию выше других.

«МК-бульвар», 1998

ОБ УМЕ

Ну, у меня умственные способности очень нормальные. Не выдающиеся. Я думаю, что каждый человек, наделённый каким-либо талантом, мог бы достичь большего, если бы правильно развивался. Но мы склонны особенно в это не вникать и останавливаться на том, что достигнуто.

1996

Жили при советской власти и думали, что бутылка водки и кусок колбасы — это нормально.

О РОДИНЕ

Я всегда говорил: Россия — моя мать, а Азербайджан — отец. В России я живу с 1963 года, большую часть времени — в Москве. Съёмки, концерты, записи — всё это в основном проходило здесь. Здесь состоялся мой первый сольный концерт, здесь я стал известным. Русский народ уникален. Жили при советской власти и думали, что бутылка водки и кусок колбасы — это нормально. Сейчас не получают зарплату и просто жалуются... По-моему, Алиса попала не в ту Страну чудес. Если бы она побывала у нас, то жизнь Зазеркалья показалась бы ей совершенно нормальной.

«МК-бульвар», 1998

О музыкальном таланте

Я родился в музыкальной семье. Мой отец — композитор, один из основоположников азербайджанской классической музыки. Меня с детства готовили в музыканты. А я не сопротивлялся. Это совпадало с моими собственными желаниями. Наверное, я мог бы стать пианистом или дирижёром. Или художником — художником был мой отец. Я неплохо рисую, но считаю это хобби. Однако так получилось, что в 14 лет у меня обнаружили голос, и моя карьера была предreshена.

«МК-бульвар», 1998

Я себе как музыканту поставлю тройку. Конечно, в сравнении с Тосканини, с Рихтером. Но простите, мне тогда не хватит баллов в этой системе, если я начну себе ставить оценку по сравнению с некоторыми нашими певцами, которые поют на сцене и довольно популярны, но при этом не знают, где нота до находится.

1996

О СОВРЕМЕННЫХ ПЕВЦАХ И МОДНЫХ ПЕСНЯХ

Это песни просто не мои. Что будет, если я начну их петь? Мне тогда и одеваться нужно будет по-другому. Представьте себе художника, который всю жизнь писал портреты, и вдруг стало модно рисовать только квадраты и кружочки. Он что, должен на это переходить? Вот так и я — привык петь в своей манере и не собираюсь её менять. Вместе с «Бравом» мы записали песню «Лучший город Земли». Я послушал и ужаснулся: зачем мне это надо? Заработать популярность у молодежи? Мне странно, когда некоторые певцы моего поколения становятся в «обойму» с молодыми девочками. Ну и что? Дедушки и всё.

Каждый должен иметь своё лицо. Пусть не молодое, но своё. А тусоваться среди молодежи старым дядькам... как-то не пристало. Да и старым тёткам тоже.

«МК-бульвар», 1998

О ТАМАРЕ СИНЯВСКОЙ

По телевизору как-то транслировали конкурс Чайковского. Посмотрел на экран — там пела миловидная девушка, я запомнил её потрясающее меццо-сопрано.

Мы встретились уже взрослыми людьми, у каждого за плечами была своя непростая жизнь. Тамара к тому времени развелась, я тоже. Твёрдо знал лишь одно: рядом со мной должен быть человек моего круга, моей профессии, моего образа жизни.

1999

Тамара говорит, что нас познакомили три раза на концертах, но я что-то этого не припоминаю. Зато, когда нас познакомили на Днях российской культуры в Баку, я её прекрасно помнил как очень хорошую певицу.

Когда мы поженились, ни у неё, ни у меня никого из родственников не было рядом. Значит, Тамара должна была уйти со сцены и стать домохозяйкой. Поэтому мы решили обойтись без детей... Вот наше чадо — пуделёк Чарли.

«7 дней», 1997

О БОГАТСТВЕ

Я пою для того, чтобы зарабатывать деньги. Зарабатывать ровно столько, чтобы жить не шикарно, но с хорошим средним достатком. У нас с женой практически всё есть. А копить деньги впрок я никогда не умел, хотя что такое голод — знаю.

«МК-бульвар», 1998

Вообще дипломатия между мужем и женой должна быть.

Могу сказать, что после женитьбы я стал намного спокойнее. Это естественно. Когда я не был женат, у меня были женщины, но это было не то. Практически вся моя юность и молодость прошли в гостиницах.

1999

О ДОМАШНЕМ МУЗЕЕ

Что вы? Я даже вырезки газетные о себе никогда не собирал. Только мой дядя, а потом и Тамара. Я всегда говорю — если история о нас когда-нибудь вспомнит, всё само найдётся.

«МК», 1999

О ГОЛОСЕ

Концертов я насырвал в своей жизни предостаточно. Как и каждый бакинec, я могу в любой момент пойти к врачу и взять бюллетень. Потому что из-за нефти, загазованности мы все имеем трахеиты и бронхиты. Врач мне говорит: «Тебе вообще нельзя разговаривать, даже не шепчи». Я день не говорю — вроде ничего. Возьму кока-колу, налью кружку, набросаю туда льда, выпью, сяду к роялю и начинаю голос гонять. Через два дня всё восстанавливается.

«7 дней», 1997

О КУРЕНИИ

Я курю по три пачки в день. И тем не менее пою с 15 лет.

Первые пять лет пел как бешеный, по 6 часов ежедневно.

«7 дней», 1997

О БАЛКОГОНЕ

На спор мы могли выпить полтора литра. Или три бутылки коньяка. Мы были в расцвете сил. Печень работала на всю мощь.

«МК», 2000

О ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ДРУЗЬЯХ И ВРАГАХ

Благ я не имел никаких. А вот врагов среди чиновников среднего звена у меня было много. То, что меня любила министр культуры Екатерина Фурцева, ещё не значит, что меня любили её заместители. Мне не хотели давать звание народного артиста СССР. Тогда Гейдар Алиевич Алиев пожаловался Брежневу, и «народного» я получил на следующий день. А вот с Государственной премией меня «прокатили».

«МК-бульвар», 1998

О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ

Меня почти все предавали. Но я всех прощаю. Когда у меня была дикая популярность, около меня вертелось такое количество людей — знаменитых в том числе. Но суперпопулярность не может длиться вечно. Как только она прошла, испарились и все друзья, точнее, 99 процентов. Считаю это предательством. Но что, я должен об этом всю жизнь помнить? Нет, конечно. Теперь только себя можно упрекнуть: «Что это ты так всех любил и собирал вокруг себя?»

«МК», 2000

О СЛУХАХ

Я искренне рад, что пик моей популярности пришёлся на то время, когда газеты не смаковали нелепые сплетни. Представляете, что бы обо мне сейчас писали некоторые бульварные газетёнки! Я не то что рюмку выпить — из дома шагу не смог бы ступить.

1999

О правительственных концертах

Леонид Ильич Брежнев действительно был очень нервнодушен ко мне как к певцу и ни одного кремлёвского концерта без меня не представлял. Считается, что он полюбил меня за «Малую землю», но на самом деле — за итальянскую партизанскую песню «Белла, чао». Хотя лично с Брежневым меня связала именно «Малая земля». Это было на концерте в Баку. Он расплакался, пришёл за кулисы, обнял меня, поцеловал и подарил свой портрет с автографом. Больше таких «интимных» сцен у меня с ним не было. Выступать на правительственных концертах считалось за честь. Елена Образцова, Владимир Атлантов, Аркадий Райкин... Хотя мне никогда не нравились концерты, где нужно было выходить только с одной песней.

«МК-бульвар», 1998

Раньше на всех кремлёвских концертах обязательно присутствовали генеральные секретари. Правда, артистов просили, чтобы концерт был как можно короче, чтобы генсеки не засыпали. Тогда на расстоянии пушечного выстрела к Красной площади не подпускали эстрадных певцов. И никому не разрешали петь живьем. Микрофоны были отключены. Весь концерт шёл в записи, вплоть до объявления номеров. От и до шла «фанера». Наверное, боялись: вдруг я на прогрыше оркестра начну объясняться в любви Леониду Ильичу.

«МК», 1999

О МЕМУАРАХ

Знаете, я прочитал очень много мемуаров. Некоторые я откладывал навсегда, прочитав первые 50 страниц. Не могу читать, когда мешают с грязью бывших сослуживцев, знакомых. Когда я стал писать собственные воспоминания, то принципиально не стал язвить и злословить в адрес бывших друзей. Да, пусть мою книгу «Любовь моя — мелодия» не стали бы расхватывать, как клубничку, пусть продали бы всего десять экземпляров. Но я всё равно не развеселю читателей, не измажу в ней никого дёгтем сарказма.

«МК», 2000

ОБ УХОДЕ СО СЦЕНЫ

Голос у меня и вправду до сих пор здоров, но лучше уйти раньше, чем опоздать! Ведь я всегда пел о любви, а теперь переделывать свой репертуар на «песни старца» не хочу.

2003

Не хочется показывать на людях уход голоса от меня, он будет всё хуже и хуже. Уже пора бы отдохнуть не только мне, но и многим.

«Антенна», 2007

О ЖИЗНИ ПОСЛЕ УХОДА СО СЦЕНЫ

Читаю детективы, фантастику, рисую. Союз художников выделил мне мольберт, палитру, краски, холсты. Рисую море. Уже написал портреты Верди, Чайковского, Рахманинова. Сейчас осиливаю Бетховена.

«МК», 1999